

Цзи Цинъюэ с самого утра проснулся от шума снаружи, и первым делом, открыв глаза, он принялся осматривать ростки унаби!

К его великой радости, за ночь ростки вытянулись еще на несколько сантиметров.

Что за невероятная скорость роста!

Вчерашний нежный побег возвышался всего на два сустава пальца, и на его макушке виднелись лишь два листочка, а за одну ночь он дорос до высоты человеческой ладони, да к тому же обзавелся целой россыпью новых листьев!

Только вот...

Побег выглядел не таким свежим и полным сил, как вчера, и с самого утра как-то поник.

Неужели ему не хватает воды?

Убедившись, что ростки унаби растут с поразительной скоростью, Цзи Цинъюэ сразу же приступил к осуществлению своего плана по пересадке. Земляная яма, заранее оставленная позади соломенной хижины, была предназначена как раз для этих побегов.

Если в будущем они продолжат расти с такой же скоростью, Цзи Цинъюэ верил, что вскоре сможет обзавестись целой рощей унаби!

Он осторожно поддел деревянной палочкой еще не сбросившие косточки ростки вместе с комьями земли, выкопал побольше почвы вокруг их корней, скатал плотный земляной шар и отложил в сторону. Точно так же он извлек и остальные побеги, бережно защищая их корни землей.

Убедившись, что все ростки выкопаны, Цзи Цинъюэ с ношей в руках направился к ручью. Выбрав мелководное место с тихим течением, он выложил из камней круг прямо в воде и опустил туда все побеги вместе с земляными комами у корней.

Подходящей посуды для воды у него сейчас не было, так что оставалось лишь немного вымочить их таким образом, а чуть позже, когда ростки вдоволь напьются воды, пересадить их в грунт.

Теперь следовало продолжить вчерашнее незавершенное дело — добывание огня трением!

Вчера, сколько Цзи Цинъюэ ни старался, до самого заката солнца и наступления темноты ему так и не удалось высечь искры. Перед сном он ворочался с боку на бок, снова и снова анализируя причины неудач.

Как он ни размышлял, понять причину толком не смог, поэтому оставалось только продолжать практику.

Он достал оставшуюся дощечку-основу и палочку для добывания огня. За вчерашние долгие часы на дощечке уже образовалось обугленное углубление.

Цзи Цинъюэ выбрал сухую сосновую кору, положил ее на дощечку, прижал ногой для фиксации и принялся быстро тереть палочку обеими руками.

Этот процесс был ему уже хорошо знаком, и вскоре из просверленного отверстия пошел серый дым.

Вчера все было точно так же. Каждый раз в такие моменты Цзи Цинъюэ наваливался всем весом, заметив разлетающиеся искры, останавливался, чтобы заглянуть в лунку, но в мгновение ока искра затухала.

На этот раз Цзи Цинъюэ не стал спешить. Не прекращая усилий, он наклонился ближе и принялся медленно дуть, одновременно ускоряя вращение. Дым, струившийся из отверстия, становился все гуще, при дуновении уже отчетливо проступало багровое свечение. Наконец, он замер, прикрывая ладонью искры на дощечке, и тихонько подул на них, чтобы они не погасли раньше времени.

Труд не пропал даром — искра наконец появилась!

Он быстро ссыпал тлеющую искру в заранее подготовленную кучку сухой сосновой хвои, смешанной с волокнами сосновой коры, и, держа в руках легковоспламеняющийся материал, принялся вовсю дуть.

Наконец язычки пламени резко взметнулись вверх.

Цзи Цинъюэ не успел увернуться, и взлетевший огонь опалил ему челку, после чего в воздухе запахло паленой протеиновой гарью.

Не успевая разобраться с опаленными волосами, Цзи Цинъюэ в суматохе перенес тлеющий уголек в другую, более крупную кучу сосновой хвои, а затем стал аккуратно обкладывать ее сухими ветками.

Алое сияние отразилось на его лице. Глядя на язычки пламени и на свои загоревшие ладони, Цзи Цинъюэ твердо решил не позволить этому костру погаснуть.

Пляшущий огонь чудесным образом принес ему душевное спокойствие и одновременно заронил в сердце новую надежду.

Пламя и впрямь способно воодушевлять людей.

Получив огонь, Цзи Цинъюэ постепенно захотел большего: котел, чашки, ложки, утварь и печь. Пить сырую воду вечно — дело нехитрое, но спокойнее на душе становится только от кипяченой.

Пока он предавался этим мыслям, снаружи раздался голос Ли Сылана:

— Бессмертный!

Помимо Ли Сылана, во дворе слышался детский лепет какого-то малыша.

— Сылан?

— Это я! Бессмертный, ты уже отведал утренней трапезы? Невестка стряпает в кухне лепешки, не принести ли мне парочку для тебя?

Цзи Цинъюэ улыбнулся:

— Нельзя. Разве не помнишь, как тебя отлупили? Нужно слушаться отца! Э? А что за ребенок с тобой?

— А, это Туанлан, сынишка моего старшего брата! Туанлан, ну-ка поприветствуй бессмертного!

Ли Сылан, ростом едва выше письменного стола, прижимал к себе маленького племянника. Тот, не понимая, что происходит, испуганно жался к дяде и молчал. Ли Сылан не стал настаивать, еще с минуту разглядывал то место, где все было нарисовано, и только потом спросил:

— Бессмертный, раз уж ты живешь на картине, почему тебя не видно?

— Я и сам не знаю. Не только ты меня не видишь, но и я тебя не вижу.

Ли Сылан словно о чем-то догадался:

— Тогда... почему бессмертный живет на картине?

Цзи Цинъюэ никак не мог решить, стоит ли ему открыться Ли Сылану. В последнее время уважение к мальчику перевешивало чувство вины перед ним. В конце концов, Ли Сылану всего пять лет, но до сих пор он справлялся просто отлично и, как и обещал, никому из домашних не проболтался о нем.

— Сылан, я должен кое в чем признаться тебе и попросить прощения. Раньше я боялся обмана и недооценивал твой возраст, поэтому соврал тебе.

Ли Сылан вытаращил глаза и недоверчиво спросил:

— Чего?

— На самом деле я никакой не бессмертный, а обычный человек, застрявший на картине. Я обманом выпросил у тебя те две лепешки, потому что был безумно голоден и подумал, что пара лепешек ничего не изменит, совершенно не зная, что из-за них тебе достанется на орехи. Мне правда очень стыдно, но отплатить мне нечем, поэтому я могу лишь во всем признаться тебе и просить твоего прощения.

Дослушав до конца, Ли Сылан шумно выдохнул и с улыбкой произнес:

— Подумаешь! Отец отлупил меня так сильно не только из-за лепешек. За них я уже понес наказание, и все прошло. Отец и братья просто боялись, что меня одурманят плохие люди. Но ведь ты не плохой человек, правда?

Цзи Цинъюэ был одновременно растроган и смущен. Этот мальчишка Ли Сылан был просто золотым ребенком, так что ему невольно захотелось подшутить над ним:

— С чего ты взял, что я не плохой?

Ли Сылан слегка осекся и робко спросил:

— Так ты... плохой бессмертный?

Такого милого ребенка Цзи Цинъюэ дразнить дальше уже не смог.

— Конечно нет. Будь я плохим человеком, от тебя бы уже и следа не осталось, обобрал бы до нитки. Ты веришь мне, и я верю тебе. Я растроган твоей искренностью, поэтому и решился открыться.

Цзи Цинъюэ редко говорил подобные нежные слова, но раз уж Ли Сылан так упорно держал слово, он счел правильным ответить ему честностью.

— Ладно, ступай садись, держи крепче Туанлана, а я продолжу объяснять тебе то, что идет после строк Славный муж...

— Слушаюсь, бессмертный!

Прижав к себе Туанлана, Ли Сылан забрался на стул. Он даже приготовил круглую плетеную подушку, чтобы усадить племянника вдвоем на один стул. Устроившись, он с видом взрослого наставительно шепнул малышу:

— Младший дядя будет учиться, Туанлан, сиди тихонько. А те унаби, что дала невестка, ешь по малюсенькому кусочку, понял?

Малыш кивнул, и только после этого Ли Сылан громко принялся за чтение наизусть.

В кухне напротив Сюй Цин как раз собиралась месить тесто. Не прерывая работы, она добавляла в муку воду и соль, а услышав доносившиеся из кабинета детские голоса, невольно гордо улыбнулась.

Подождав, пока Ли Сылан закончит декламацию, Цзи Цинъюэ начал неторопливо объяснять материал, вплетая в рассказ короткие поучительные истории о мудром Конфуции, чтобы расширить кругозор ребенка.

Самым классическим примером стал короткий классический текст Две птицы спорят о солнце, который он сам учил в детстве.

Один мальчик утверждал: по моему мнению, когда солнце только восходит, оно ближе к людям, а в полдень — дальше.

Другой мальчик утверждал: по моему мнению, на рассвете солнце дальше, а в полдень — ближе.

Первый мальчик говорил: на восходе солнце размером с колесную зонтичную крышку, а в полдень — с блюдо или таз. Разве то, что дальше, не кажется меньше, а то, что ближе — больше?

Второй мальчик возражал: на рассвете солнце прохладное, а в полдень жжет, как кипяток. Разве то, что ближе, не горячее, а то, что дальше — холоднее?

Сылан, как ты думаешь, кто из них прав?

Ли Сылан слушал разинув рот. Он никогда прежде не слышал об этом предании и даже не задумывался над подобными вопросами. Теперь же, узнав эту историю и сопоставив ее с повседневными наблюдениями, он подумал, что оба правы!

— Я думаю, они оба правы.

— А я думаю, что оба неправы, и что мне теперь делать?

Ли Сылан ломал голову, но никак не мог взять в толк:

— Почему же они неправы?

Когда я сам учил этот текст, мой учитель тоже не объяснил причину. Лишь став взрослым, я внезапно захотел докопаться до истины и во всем разобрался. Но здесь все устроено так сложно, что ты пока еще не сможешь этого понять.

Цзи Цинъюэ вдруг пожалел, что завел разговор об этой статье. Если бы Ли Сылан стал допытываться до конца, ему пришлось бы начинать объяснения с того, что Земля на самом деле круглая, поэтому он поспешил исправиться:

— Давай я поступлю как мой учитель и пока не стану давать тебе ответа. Вот когда ты сам решишь, что оба они неправы, тогда и придешь ко мне за советом, идет?

Для Ли Сылана это был невероятно сложный выбор. Он почесал себя за ухом и озадаченно произнес:

— Ну... ладно...

— Рассказывая тебе эту притчу, я поступаю так же, как мой учитель в свое время. Я хочу, чтобы ты прилежно учился на своем пути к знаниям, не делал вид, будто понимаешь то, чему не обучен, и помнил, что учения нет предела, а скромность должна быть вечной.

Поняв истинный смысл слов Цзи Цинъюэ, Ли Сылан усадил Туанлана на стул, сам соскочил на пол и отвесил глубокий поклон в сторону картины:

— Спасибо вам за наставления, бессмертный!

— Ну вот, весь урок по начальной грамоте мы прошли. Тебе все понятно?

— Сылан все понял!

Учебное время подошло к концу. У Туанлана в кармане еще оставались унаби, и он послушно выплевывал косточки. Ли Сылану было некогда с ним играть, но малыш не капризничал и тихонько сидел на стуле, забавляясь сам по себе.

— Бессмертный, ты ведь так и не рассказал, почему живешь на картине!

При упоминании об этом Цзи Цинъюэ почувствовал себя еще более озадаченным, чем Ли Сылан:

— Я и сам не понимаю, как угодил сюда. В картине нет никакой еды, и только от безысходности я попросил у тебя те две лепешки.

Услышав, что Цзи Цинъюэ грозит голод, мальчик встревожился:

— Что же делать? Я не хочу, чтобы бессмертный умер с голоду!

Бессмертный, умер с голоду — эти два слова никак не уживались рядом. Мысленно Цзи Цинъюэ горько усмехнулся: будь я настоящим небожителем, разве волновал бы меня голод...

— Теперь нам ни в коем случае нельзя трогать семейные запасы без спросу. Похоже, остается лишь один путь — торговля. Но ты еще мал и не можешь ходить за покупками в одиночку. Не мог бы ты попросить кого-нибудь купить мне кое-какие вещи?

Ли Сылан немного подумал:

— Скоро зима, в горах часто рыщут дикие звери, и матушка с братьями не разрешают мне выходить из дома одному.

— Твоя матушка абсолютно права.

Ли Сылан тут же расспросил:

— А что именно хочет купить бессмертный, если поручить это кому-нибудь?

— Я бы хотел семян, совершенно любых.

Он и не думал просить ребенка покупать предметы быта — это было слишком сложно.

— М-м-м...

Ли Сылан напряг все извилины в поисках решения. Он не хотел, чтобы Цзи Цинъюэ умер с голоду, но и обманывать домашних снова не желал, поэтому оставалось попытаться обратиться к посторонним.

— Помню, после осеннего сбора урожая в нашу деревню заглядывает разносчик товаров, он скупает излишки и заодно приторговывает мелочью. Вот у него я и расспрошу.

— Хорошо, спасибо тебе, Сылан!

Раз уж приходится просить ребенка о покупках, деньги... вновь становились проблемой! У него ведь не было монет этой эпохи! Цзи Цинъюэ еще никогда не чувствовал себя столь беспомощным.

— Сылан... у меня тут загвоздка... при мне совсем нет серебра и монет...

— А у меня есть! Это новогодние денежные подарки от матушки и бабушки, я до сих пор не потратил ни единой монетки!

— Считаю, что я у тебя занимаю, ладно? Сейчас у меня с собой...

Цзи Цинъюэ пошарил по карманам и нащупал лишь нефритового Гуаньиня на шнурке у себя на шее. В его родных краях ходило поверье: мужчины носят Гуаньинь, а женщины — Будду.

— Человек должен держать слово. Ты хлопчешь ради меня, и я обязан отблагодарить тебя. Выбраться наружу я сейчас не могу, поэтому отдам тебе одну вещь в залог. Подойди-ка ближе.

Ли Сылан в полном недоумении подошел к картине и протянул руку прямо к ее поверхности. В следующее мгновение в его ладони что-то очутилось.

— Это...?

Хотя прежде ему не доводилось держать в руках настоящие нефритовые изделия, он видел нефритовые браслеты, которые носили некоторые женщины в уезде, а также поясные украшения из нефрита, что носили богатые юноши из школы третьего брата. Нефритовая подвеска, которую передал бессмертный, определенно стоила целое состояние.

— Бессмертный! Это же ужасно дорого! Я не могу это взять!

Ли Сылан поспешно прижал руку обратно к изображению, но как он ни старался, вернуть вещь обратно в полотно уже не получалось.

— Сылан, принимай подарок. Я и так задолжал тебе слишком много, иначе... я больше не стану с тобой разговаривать.

Мальчик испугался угрозы и послушно спрятал вещицу:

— Ну... тогда я сохраню ее. Уберу в кошель на дне сундука для одежды, матушка с домашними знают, где лежат мои сбережения, и без спросу там не роются.

Цзи Цинъюэ вновь торжественно поблагодарил его:

— Ну что ж, премного благодарен тебе, Сылан!

С того самого дня Ли Сылан ежедневно приводил Туанлана в кабинет заниматься грамотой, болтал с Цзи Цинъюэ, а во все остальное время сжимал в кармане дюжину монет и сидел вместе с малышом у ворот двора в ожидании вестей о бродячем торговце.

День начала осенней учебы неумолимо приближался, и на сердце у него становилось все тревожнее.

Почему же торговец до сих пор не идет?

Вот и в этот день Ли Сылан прождал до самого заката, но разносчик так и не появился. Невестка уже приготовила ужин и ждала возвращения второго брата и старшей сестры. Мальчик как раз собирался подхватить Туанлана и идти помогать невестке накрывать на стол, как вдруг заметил вдали у подножия гор мельтешащие черные точки.

Сылан поднялся на ноги, крепко держа Туанлана за руку, и прищурился, вглядываясь в эти крошечные, словно муравьи, силуэты.

Вдалеке за ровными полями тянулись западные отроги хребта Ланцан. У подножья гор сбилась в плотную кучу большая толпа людей, которая стремительно двигалась в их сторону.

Казалось, они несли кого-то на руках, на бегу выкрикивая какие-то слова.

Когда они приблизились, Ли Сылан наконец расслышал этот шумный гвалт!

И всё это было связано со вторым братом!

Ли Сылан с замиранием сердца смотрел, как толпа подбирается все ближе.

— ...Сялан... держись...

В сплоченной массе людей он не мог разглядеть второго брата, но обрывки фраз наводили панику:

— Второй брат...

Среди бегущих Ли Сылан узнал местных охотников, ходивших в горы на кабанов.

— Четвертый из семьи Ли! Твой брат ранен, расступитесь, мы поможем Сялану войти в дом!

Второго Ли поддерживали под руки, неся на весу.

Теперь Ли Сылан разглядел все отчетливо, и слезы градом хлынули из глаз:

— Ой-ой!! Второй брат!! Невестка! Второй брат ранен!

Ухватив Туанлана за руку, Ли Сылан закричал на весь двор, подзывая невестку.

Сюй Цин как раз закончила стряпать ужин и ждала возвращения Ли Эра и остальных. Не успела она еще накрыть на стол, как услышала истошный вопль Ли Сылана и в испуге выбежала во двор.

Ли Эра внесли внутрь: вся его левая нога была туго замотана слоями марли, судя по всему, рана оказалась глубокой.

Ли Цзиньнян плелась в хвосте толпы. Ее лицо от испуга было бледным, волосы растрепались, а маленькие глазки покраснели — видать, уже успела заплакать.

Мужчины внесли Ли Эра в комнату.

Сюй Цин схватила испуганную младшую золовку и в тревоге бросилась следом:

— Что случилось с Эр-ланом? Разве они не ходили расчищать новые земли?

Ли Цзиньнян всхлипнула:

— Второго брата подбросила в воздух дикая свинья...

Охотники виновато переглянулись:

— Невестка Ли, мы сами оплошали. Сегодня пошли в горы на кабанов, двух уже поймали, а с последней оплошали — я потерял бдительность и разозлил свиноматку, защищающую выводок. Кто же знал, что кабан ринется в атаку и раскидает нас всех. Прорвав оцепление, зверь понесся с горы и как раз столкнулся нос к носу с возвращавшимся Сяланом. Только благодаря его помощи нам и удалось скрутить этого зверя.

— Весу в той свинье фунтов триста-четыреста, клыки острые, страшная до жути, металась из стороны в сторону, чуть не покалечила стариков и детей у подножия.

— Тоже мне напасть, как раз время возвращаться с полей, на дорогах полно народу. Если бы Сялан не перерезал дорогу кабану, быть беде, пострадали бы ни в чем не повинные люди.

От одной этой мысли мороз подирал по коже.

Ли Эр был в сознании, но вставить слово ему не давали. Стиснув зубы от боли, он произнес:

— Невестка, меня всего лишь зацепило клыком этой твари, рана только с виду выглядит страшной, а на деле пустяк, к утру заживет!

Судя по тому, как Ли Цзиньнян надула губы и замотала головой, она отлично понимала, что Ли Эр хорохорится.

— Все равно это наша вина, простите ради бога.

— На охоту мы брали целебный порошок, кровь остановили сразу же, рану тоже перевязали как надо. Если Сялан захочет показаться деревенскому лекарю, все расходы на мази и отвары мы полностью возместим, а когда забьем кабана, кусок мяса принесем в благодарность за его сегодняшний подвиг.

Ли Эр заверил всех, что рана уже перевязана и к лекарю идти нужды нет.

Охотникам было неловко дольше оставаться и мешать отдыху пострадавшего. Высказав еще несколько утешительных слов, они откланялись и ушли.

<http://bllate.org/book/21408/2184624>